

**И.Г. Пехливанов –
один из первых историографов
Первой балканской войны***

Как известно, в XIX в. Россия выступила защитницей болгар от османского ига, однако мало кто знает, что один из сынов Болгарии фактически возглавил оборону России от германского нашествия в критический для страны период начала 1918 года. В этой статье речь пойдет о судьбе болгарина по происхождению, поступившего на русскую военную службу и внесшего заметный вклад в освещение и изучение событий Первой Балканской войны, а также в события Первой мировой и Гражданской войн, полковника Генерального штаба Йордана (Юрдана, Иордана) Юрьевича (Георгиевича) Пехливанова¹.

Жизнь и деятельность этого необычного офицера почти не привлекала внимания исследователей ни в России², ни в Болгарии³, что вполне объяснимо. Основные заслуги Пехливанова связаны именно с русской военной службой, поэтому болгарских исследователей эта сторона его деятельности мало интересовала. Отечественные авторы, в свою очередь, не интересовались Пехливановым в советское время по той причине, что он был царским офицером, а также изменником Советской власти. Сведения о том, что он успел послужить не только у красных, но и у белых, либо оставались неизвестными, либо тщательно скрывались. Современных российских исследователей Пехливанов не привлекает, поскольку он был одним из создателей Красной армии, ее первых военных специалистов, тогда как изучение этой темы не пользуется большой популярностью в новой России. В итоге его имя (нередко с ошибками в русских текстах, одной из самых распространенных среди которых стала перемена местами имени и отчества офицера) фигурирует (часто с одним и тем же набором фактов), в основном, лишь в советских (и в отдельных пост-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Печатается в сокращении, полная биография Пехливанова в настоящее время готовится к печати в историческом альманахе «Русский сборник».

советских⁴) обобщающих работах, посвященных обороне Петрограда или зарождению Красной армии, а также болгаро-советской дружбе⁵.

В советской литературе Пехливанов упоминался как интернационалист, которым он в действительности не был, так как поступил на русскую службу еще до Первой мировой войны, присягнув на верность России. По мнению известного отечественного военного историка А.Г. Кавтарадзе, Пехливанов сотрудничал с Советской властью вплоть до конца 1920 г.,⁶ что, однако, не соответствует действительности. Упомянув о том, что Пехливанов не значился в списках «лиц Генштаба», составлявшихся в 1919–1920 гг., Кавтарадзе, не дал объяснения этому факту, тогда как причина заключалась в том, что Пехливанов в это время уже не служил в Красной армии и находился за пределами Советской России.

Вследствие игнорирования вклада Пехливанова в создание Красной армии до сих пор остаются малоизученными и подвергаются искажению некоторые ключевые моменты начального периода советского военного строительства. Настоящий шквал антибольшевистской публицистики последних двух десятилетий связан со стремлением целого ряда авторов принизить значимость празднования Дня защитника Отечества 23 февраля (в прошлом – дня Советской армии и Военно-морского флота), показать неосновательность исторической канвы событий вокруг 23 февраля 1918 г. и даже то, что такой праздничной дате не место в современном календаре⁷. События обороны Петрограда в феврале-марте 1918 г. самым тесным образом связаны с деятельностью Пехливанова. Обращение к архивным документам, отражающим его деятельность в этот период, показывает огромное фактическое и моральное значение февральско-мартовских событий для судеб Советской России и зарождавшейся Красной армии.

Иордан Георгиевич Пехливанов родился 7 октября 1876 г. в городе Сливен (в русском написании Сливна) в Болгарии⁸. По вероисповеданию был православным. Окончил трехлетний курс единственного в Болгарии Софийского военного училища (1898 г.). Во время учебы был награжден первым призом (серебряными часами) за отличную стрельбу (20 декабря 1896 г.), дослужился до фельдфебеля, однако затем был понижен до старшего портупей-юнкера. 1 января 1898 г. был произведен в подпоручики с зачислением в 1-й артиллерийский полк. Служил в 5-й батарее. Пехливанов с февраля 1901 г. носил очки. Во время службы помимо основных обязанностей был также делопроизводителем полкового суда. Вскоре после производства в поручики, последовавшего 2 мая 1902 г.,

молодой офицер был командирован в Русук для держания поверочного экзамена перед комиссией при штабе 5-й пехотной Дунайской дивизии. От результатов зависела перспектива зачисления Пехливанова в высшее военно-учебное заведение. Командировка продолжалась с конца мая по 21 июня. Судя по всему, экзамен был успешно сдан, после чего примерно через месяц Пехливанова командировали в Софию на конкурсный экзамен для поступления в Михайловскую артиллерийскую академию в России. Благополучно преодолев и этот барьер, Пехливанов 1 сентября отправился в Россию⁹. Едва ли он тогда мог предположить, что с незнакомой для офицера страной окажутся связаны почти два десятилетия последующей жизни и службы и что именно в России он найдет себе жену.

В 1906 г. Пехливанов завершил полный курс академии по 1-му разряду, причем превзошел в учебных успехах даже русских слушателей, так как окончил академию «первым по успехам всего выпуска с правом занесения имени его на почетную мраморную доску и награжден большой серебряной медалью на основании чего в том же году переведен в Николаевскую Академию Генерального Штаба»¹⁰. Таким образом, болгарский офицер продемонстрировал выдающиеся способности. Окончание же Николаевской академии должно было еще более расширить его кругозор, сделать уникальным военным специалистом своего времени.

Впрочем, по свидетельству будущего Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, учившегося на курс младше, проходившие академический курс болгарские офицеры «учились... усердно, но, правда, оценки им ставились с большим снисхождением. Иногда в академию приезжал болгарский военный агент при русской армии, следивший за занятиями офицеров своей армии. В общем развитии болгары отставали, и некоторые жаловались на трудность прохождения курса в русской академии, сравнивая его с курсом итальянской академии генерального штаба, где предъявлялись менее жесткие требования и ставились более высокие баллы (эти оценки впоследствии имели значение при прохождении службы в армии). Отношение русских офицеров к болгарам было чисто товарищеским»¹¹.

Всего к осени 1912 г. через обучение в российской академии Генштаба прошли 123 болгарских офицера, причем 9 офицеров (капитаны И.П. Сирманов и Г.Н. Хесапчиев, ротмистр П.И. Златев, поручики Г. Люцканов, Т.Д. Радев, К.Г. Панов, Г.Н. Попов, Й.Т. Пеев и Е.Т. Тодоров) осенью 1912 г., окончив два класса академии, возвратились на родину в связи с началом Первой Балканской войны.¹²

20 августа 1907 г. Пехливанов был произведен в капитаны, а 2 августа 1908 г. награжден болгарским орденом за 10-летнюю отличную службу. В 1909 г. он окончил курс академии, и 24 июля приехал в Болгарию, правда, уже с 21 августа снова отправился в Россию, вернувшись в Болгарию только к 26 ноября.

По данным Пехливанова, болгарский Генеральный штаб насчитывал к 1912 г. около 75 выпускников Николаевской академии, 44 выпускника итальянской военной академии в Турине, 10 выпускников французской военной академии, 4 выпускника бельгийской академии и одного выпускника австро-венгерской академии. Всего же офицеров с высшим специальным образованием было порядка 250 или примерно 10% болгарского офицерского корпуса¹³.

Эти данные свидетельствуют о том, что в болгарской военной элите сосуществовали выпускники, в основном, российской и итальянской военных академий. Разумеется, подобное разделение влияло и на мировоззрение офицеров, порождая противоречия между ними. Так, «итальянцы» были, как правило, настроены против «русских» и против России, традиционно популярной в болгарском обществе. Этими противоречиями успешно пользовался в интересах укрепления собственной власти болгарский царь Фердинанд Кобург, манипулировавший группировками офицеров¹⁴. Осенью 1911 г. открылась и собственная болгарская военная академия в Софии с трехгодичным курсом обучения, рассчитанная на 75 слушателей.

На родине капитан Пехливанов с 30 ноября был прикомандирован к штабу армии для отбытия ценза на причисление к Генеральному штабу. Однако уже 30 марта 1910 г. уволился со службы по собственному желанию с зачислением в запас армии.

Нельзя не сказать об одной из причин, по которой Иордан Георгиевич, вероятно, перебрался в Россию. Причиной этой, видимо, стала любовь к необычной женщине – Вере Васильевне Пушкаревой.

Вера Пушкарева (в первом браке – Котляревская; 1871–1942)¹⁵ происходила из дворянской семьи, в прошлом была актрисой и светской дамой. Она окончила Смольный институт, Женские педагогические курсы, филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, Драматические курсы при императорском Александринском театре. Ее первый муж (с 1894 г.) академик Нестор Александрович Котляревский был не только известным литературоведом, но и заведующим репертуаром драмы императорских театров. В 1898–1916 гг. Вера Васильевна со-

стояла в труппе Александринского театра в Петербурге, была у истоков созданного в 1911 г. Общества любителей выразительного чтения при народных университетах, в котором вела занятия по художественному чтению и технике речи. Пушкарева была известна тем, что содержала в Петербурге собственный литературный салон на улице Кировной, дом 32, кв. 42, который посещал состоявший с Пушкаревой в близких отношениях президент Российской Академии Наук великий князь Константин Константинович (знаменитый поэт К.Р.), петербургский бомонд. Современники отмечали привлекательную внешность Пушкаревой – ее высокий рост, представительность и элегантность, прекрасные манеры, глубокий голос и красивые голубые глаза¹⁶. Не одно свое стихотворение посвятил ей поэт К.Д. Бальмонт. Ее портрет написал И.Е. Репин. При склонности Веры Васильевны к светскому времяпрепровождению и небольшом количестве поклонников, ее первый брак распался.

Среди поклонников актрисы был и Иордан Георгиевич Пехливанов, с которым Пушкарева познакомилась в 1906 г. в Сестрорецке. Затем они встречались на минеральных водах за границей в 1909 г., а также на юге России – в Ялте и на Кавказе в 1910 г. Первый муж Пушкаревой, академик Котляревский, даже оказал содействие переходу Пехливанова на русскую службу¹⁷. В 1914 г. у Пушкаревой и Пехливанова родилась дочь Кира. Судя по служебным документам Иордана Георгиевича, он не был женат, по меньшей мере, до 1917 г. Браки офицеров с играющими на сцене актрисами в то время не поощрялись. Поэтому Кира родилась, когда Вера Пушкарева еще была замужем за Котляревским, который, однако, согласился стать крестным отцом ребенка. Иордан Георгиевич стал вторым мужем Веры Васильевны уже после Гражданской войны.

Однако вернемся в предвоенное время. Пехливанова явно тянуло в Россию, где остались друзья по учебе и любимая женщина. В итоге 11 февраля 1910 г. (еще до увольнения с болгарской службы) на основании Высочайшего соизволения, последовавшего по Всеподданнейшему докладу главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, Пехливанов был принят в русское подданство. 4 мая 1910 г. он был приведен к присяге на подданство России. Существует версия о том, что Пехливанов остался в России, якобы, из-за несогласия с прогерманской ориентацией болгарских властей¹⁸, однако применительно к событиям 1909–1910 гг., когда офицер принял решение перебраться в Россию, такая версия несостоятельна, поскольку говорить о какой-то германской ориентации болгарской элиты в это время еще не

приходится. В то время в военных кругах Болгарии шло негласное соперничество группировок русофильски и русофобски настроенных офицеров. Немалая часть болгарского генералитета и сам царь Фердинанд Кобург были настроены антироссийски, а положение русофилов было непростым. Возможно, эти причины и повлияли на выбор Пехливанова.

Первым местом службы офицера в русской армии стала 4-я батарея 23-й артиллерийской бригады, в которую он был зачислен 24 июня 1910 г. Пехливанову был оставлен его капитанский чин, но старшинство считалось с 17 июня 1910 г., когда был издан Высочайший приказ о зачислении Иордана Георгиевича на русскую службу. Время пребывания в офицерских чинах болгарской армии с 1 января 1898 г. по 30 марта 1910 г. Высочайшим соизволением от 21 мая 1910 г. определено было зачесть в действительную службу офицера. 30 июня 1910 г. Пехливанов был причислен к Генеральному штабу и прикомандирован к штабу войск гвардии и Петербургского военного округа для ознакомления со службой Генерального штаба в поле в течение лагерного сбора 1910 г., после которого подлежал прикомандированию к 89-му пехотному Беломорскому полку для двухлетнего командования ротой. В итоге, однако, с 4 октября он был прикомандирован к 94-му пехотному Енисейскому полку, в котором благополучно откомандовал 11-й ротой.

Болгарин по национальности Пехливанов не мог стоять в стороне от событий на Балканах, происходивших в начале второго десятилетия XX века. Эти события его живо интересовали, не случайно он посвятил им целый ряд своих работ, в том числе книгу. Однако помимо публикаций офицер стремился на родину, чтобы лично увидеть все происходившее, принести своими знаниями и опытом пользу Болгарии.

26 сентября (9 октября) 1912 г. началась Первая балканская война, в которой государства Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) выступили против Османской империи. Война продлилась до мая 1913 г. В результате боевых действий турки лишились практически всех своих владений в Европе, кроме части Фракии. Война фактически завершила освобождение балканских народов от османского господства.

В сентябре 1912 г., перед самым началом Балканской войны, Пехливанов опубликовал в «Известиях Императорской Николаевской военной академии» статью «Вооруженные силы Болгарии», в которой дал восторженный отзыв о командном составе болгарской армии. Среди прочего в статье утверждалось: «Про болгарскую армию можно сказать, что, начиная с рядового и кончая генералом, чем лицо выше рангом, тем

больше оно отвечает необходимым для него требованиям и тем ближе стоит к идеалу»¹⁹. Подобные наивные заявления, конечно же, трудно принимать всерьез применительно к любой армии. Тем не менее, такие оценки весьма сочувственно встречались русским общественным мнением, в том числе военными кругами, но были далеки от реального положения вещей²⁰.

Подобные суждения не помешали Пехливанову детально проанализировать состояние болгарской армии, пусть и с преобладанием восторженных тонов. В заключение автор статьи отмечал, что «болгарская армия по своему составу является чисто национальной; армия находится в тесной живой связи со всеми слоями народа, причем более образованные классы населения не менее причастны к военной службе, чем необразованные... Сознание необходимости ведения войны с Турцией за освобождение зарубежных братьев создало всеобщий интерес к армии и военное дело становится любимым делом народа...»²¹.

К сожалению, данные об участии Пехливанова в Первой балканской войне крайне отрывочны. В его послужном списке вообще не упоминается о том, что офицер покидал русскую военную службу. О том, что он все-таки уезжал в Болгарию в период войны свидетельствует лишь скупая строка о пребывании в 28-дневном отпуску с сохранением содержания в период со 2 октября 1912 г., причем срок отпуска был продлен на два месяца, но офицер вернулся за десять дней до окончания срока — 20 декабря 1912 г.²². Разумеется, в русских документах того времени даты приводились по старому стилю.

Итак, наш герой мог с большой долей вероятности находиться на театре военных действий в первый период войны — в октябре-ноябре 1912 г. В эти месяцы происходило крупномасштабное и стремительное наступление армий государств Балканского союза, турки были вынуждены обороняться и отступать. В связи с переходом к позиционной войне начались мирные переговоры, увенчавшиеся 20 ноября (3 декабря) подписанием перемирия между Болгарией и Сербией, с одной стороны и Турцией, с другой. Поскольку боевые действия, в основном, прекратились, Пехливанов вернулся в Россию, причем раньше срока. Разумеется, он не мог предполагать, что 21 января (3 февраля) 1913 г. война возобновится.

По итогам поездки на страницах научно-библиографического журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии» увидела свет целая серия публикаций Пехливанова о Первой балканской войне, напоминающая заготовки для отдельной книги.

Летом 1913 г. выходит его статья «Действия на Восточном театре»²³. В ней он подробно разобрал вопрос о подготовке сторон, прежде всего, Болгарии и Турции, к войне и действия на Восточном (Фракийском) театре военных действий. По всей видимости, именно там и находился Пехливанов (хотя нигде не упомянул об этом) в период своей командировки. Пехливанов справедливо отмечал, что подготовка к войне — это не только приведение в готовность вооруженных сил, но и создание «благоприятного для проявления моральных сил настроения народа (курсив автора. — А.Г.)»²⁴. Далее он отмечал важность построения хорошей экономической и политической системы, тщательной разработки стратегических решений.

По данным Пехливанова, до 1910 г. военное руководство Болгарии готовилось к наступательной войне с Турцией один на один, что было возможно, вследствие недостаточной организованности турецкой армии и слабости Адрианопольского укрепленного лагеря. Усиление крепости Адрианополь, находившейся на главном операционном направлении, привело к переменам в болгарских планах²⁵. Было решено блокировать Адрианополь и попытаться разбить противника на Фракийской равнине. Стало ясно, что для победы нужно искать союзников. К сожалению, источники осведомленности автора о военных планах болгарского руководства нам неизвестны.

В отношении турок Пехливанов отмечал их легкомысленно-пренебрежительное восприятие болгарской армии²⁶, что не могло не сказаться на исходе боевых действий в начальный период войны. По мнению Пехливанова, вместо заблаговременно подготовленного плана турки решили воспользоваться импровизированным, направленным на упреждение активных действий болгар. Офицер отмечал, что подобный план «должен был привести к самым печальным результатам. Это не план, а случайное решение, которое указывает на отсутствие настоящего плана кампании»²⁷.

В октябре 1913 г. выходит еще один очерк Пехливанова «Мобилизация болгарской армии»²⁸, в котором он рассмотрел вопрос вступления Болгарии в Первую балканскую войну. По мнению автора, к началу второго периода войны болгары выставили против турок свыше 600 000 человек²⁹, что, однако, является значительным преувеличением. В другой своей работе Пехливанов рассмотрел мобилизацию турецкой армии и развертывание болгарских войск³⁰. По оценке Пехливанова, в Турции не

было подъема народного духа, наоборот, преобладали отрицательные настроения³¹.

В нескольких номерах журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии» за 1914 г. частями вышла статья Пехливанова «Военные действия на Фракийском театре. Лозенградская операция», посвященная боям октября 1912 г.³². Статья была очень подробной, сопровождалась документами и схемами. По сути это был специализированный военно-исторический труд, в котором досконально, по дням исследовались действия сторон в короткий промежуток времени. Непосредственно перед мировой войной публикуется продолжение предыдущей статьи Пехливанова «Действия полевых болгарских армий во Фракийской равнине»³³, которые сам автор охарактеризовал как решительные.

Фактически Пехливанов был одним из первых в России обозревателей и исследователей Первой балканской войны. К сожалению, сегодня в этом качестве он совершенно забыт. Позднее в Санкт-Петербурге в 1914 г. увидела свет его книга о Балканской войне («Балканская война 1912–13»), но обнаружить хотя бы один экземпляр этого издания не удалось. По всей видимости, основу работы составил как раз цикл статей, публиковавшихся на страницах «Известий Императорской Николаевской военной академии».

В России 8 декабря 1912 г. Пехливанов был переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Некоторое время он исполнял должность начальника штаба дивизии. В 1912–1913 гг. Пехливанов украсил грудь медалями в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. на Владимирской ленте и в память 300-летия Царствования дома Романовых, а 6 декабря 1913 г. — орденом Св. Станислава 3-й ст. Кроме того, 13 сентября 1913 г. ему было Высочайше разрешено носить болгарские ордена — Крест «За десять лет отличной службы» и «Крест независимости», которым он был награжден как участник Первой Балканской войны. К сожалению, вопрос о том, в какой форме Пехливанов участвовал в той войне (только как наблюдатель или с оружием в руках), остается открытым. 13 июня 1914 г. император разрешил Пехливанову принять и носить пожалованный болгарский орден Св. Александра 5-й ст. с мечами.

Иордан Георгиевич не только добросовестно нес службу, но и активно участвовал в военно-научной жизни. Как уже отмечалось, он постоянно сотрудничал с журналом «Известия Императорской Николаевской военной академии». Помимо этого, в 1912 г. в Петербурге в военном

книгоиздательстве В. Жукова под редакцией Генштаба генерал-майора А.Н. Апухтина вышел подготовленный Пехливановым совместно с его однокашником по академии В.И. Базаревичем перевод труда французского генерала А. Персена «Боевая связь сверху и снизу»³⁴. В редакторском предисловии Апухтин отметил, что выполнил эту работу по просьбе переводчиков – его сослуживцев. Работа была посвящена слабо разработанному тогда вопросу взаимодействия родов войск, в особенности пехоты и артиллерии. Вспомним, что Пехливанов по первоначальному образованию был артиллеристом. По всей видимости, накануне Первой мировой войны проблемы, затронутые французским генералом, его живо интересовали.

В 1913 г. Пехливанов совместно с А. Семеновым перевел на русский язык работу болгарского офицера К. Киркова «Записки по военной педагогике (Психология, обучение и воспитание)», представлявшую собой учебный курс для специальных классов военного его царского величества училища в Софии. В этом курсе активно использовалось военно-теоретическое наследие А.В. Суворова и М.И. Драгомирова, исследовались военная этика и методика преподавания военных дисциплин, затрагивались тогда еще малоизученные вопросы, как, например, психологические и физиологические основы душевной жизни человека, память, воображение, мышление, внимание. Книга была издана в Петербурге в находившейся в здании Главного штаба военной типографии императрицы Екатерины Великой при содействии Общества ревнителей военных знаний³⁵.

Летом 1913 г. Пехливанов участвовал в полевой поездке в окрестностях Санкт-Петербурга, а с 6 декабря 1913 г. был назначен помощником старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. На этом посту его и застала мировая война. 1 августа 1914 г. Пехливанов назначен и. д. помощника старшего адъютанта военнопензенского отделения штаба 9-й армии. С 4 сентября он уже помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, сражавшейся против австрийцев. В сентябре 1914 г., феврале-августе 1915 г. эта армия действовала на австрийской территории³⁶.

24 марта Пехливанов был допущен к исполнению обязанностей штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. С 16 октября 1915 г. занимал пост и. д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. 6 декабря 1915 г. произведен в подполковники с утверждением в занимаемой должности.

В годы войны Пехливанов продолжал переписку с любимой женщиной – Верой Пушкаревой-Котляревской, которая ярко проявила себя тогда на ниве благотворительности. Еще во время Первой балканской войны Пушкарева организовала сбор пожертвований для болгарских солдат, в годы Первой мировой открыла на станции Бологое приют для детей-сирот, а позднее – частный питательно-перевязочный отряд, причем за свою благотворительную патриотическую работу была награждена тремя Георгиевскими медалями³⁷.

Теперь, чтобы преодолеть строгости военного времени, переписка Пехливанова и Пушкаревой велась по телеграфу и была замаскирована под деловую. Пушкарева как председатель комитета «Петроград – Польша» занималась благотворительностью в 9-й армии, где служил Пехливанов, что позволяло им не только переписываться, но и встречаться.

Пушкарева-Котляревская приезжала в действующую армию к своему возлюбленному, о чем свидетельствует телеграмма Пехливанова председателю комитета «Петроград – Польша» от 12 ноября 1914 г.: «Штаб 9 армии. Получен первый транспорт груза комитета при сопровождении госпожи Котляревской. Шлем привет всем чинам комитета. Мехов. Капитан Пехливанов»³⁸. Визит Пушкаревой пришелся на период сильных боев в районе Кракова. По итогам поездки при содействии Пушкаревой был создан частный летучий Петроградский питательно-перевязочный пункт³⁹.

Фактически Пехливанов был уполномочен штабом армии курировать вопросы получения помощи от благотворительной организации Пушкаревой. В частности, он информировал петроградский комитет о ходе продвижения их грузов, давал советы организационного характера⁴⁰. Деятельность комитета Пушкаревой была активной и разнообразной. При ее участии на фронт отправлялись новогодние подарки, солдат угощали горячим чаем, обеспечивали бельем, обувью и припасами⁴¹. В марте 1915 г. Пушкарева вновь приехала на фронт, а позднее приезжала неоднократно.

В апреле 1916 г. Пехливанов покинул штаб 9-й армии, в котором служил с самого начала войны. В телеграмме Пушкаревой от 27 марта 1916 г. он сообщил, что в начале апреля рассчитывает приехать в Петроград на две недели⁴². 15 апреля он был назначен и. д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. На новом месте офицер также блестяще проявил себя⁴³.

15 августа 1917 г. Пехливанов был произведен в чин полковника со старшинством с 4 октября 1916 г. Во время корниловского выступления офицер был выдвинут армейскими организациями на должность начальника штаба фронта⁴⁴, однако это назначение не состоялось.

С 22 августа 1917 г. Пехливанов отправился в двухмесячный отпуск по болезни. Речь шла о нервном переутомлении⁴⁵, но период, на который пришелся отпуск, дает возможность предполагать и другое, в частности, что его действия были связаны с внутренней обстановкой в стране. Впрочем, это только догадки. Еще находясь в отпуску, Пехливанов получил распоряжение отправиться в Петроград в распоряжение военного министра, куда и убыл. В распоряжении военного министра он пребывал с 10 октября.

Впоследствии он вспоминал: «я был вызван в Петроград, как офицер Генер[ального] Штаба, выдвинутый войной, ...здесь мне делались разные предложения, от которых я решительно отказался»⁴⁶. Вскоре полковник получил предписание начальника личной канцелярии военного министра и 19 октября отбыл в действующую армию через Ставку и штаб Юго-Западного фронта. Пока Пехливанов ехал на фронт, был издан приказ по армии и флоту, согласно которому 20 октября он был назначен командующим войсками Приамурского военного округа вместо Генштаба генерал-майора К.Н. Хагондокова. 25 октября, сдав должность и. д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, Пехливанов отправился на Дальний Восток.

Назначенный еще при Временном правительстве, он вступил в должность уже при большевиках. Смена правящего режима в стране практически не коснулась положения нашего героя в тот период. В этой связи полномочия Пехливанова неоднократно ставились местными властями под сомнение. Более того, дальневосточные большевики отнеслись к нему с подозрением как к контрреволюционеру. Не прошло и двух недель с момента прибытия командующего, как по решению краевого комитета он 2 января 1918 г. был арестован⁴⁷. Пехливанова изолировали у него на квартире, а затем, 4 января, под надзором делегатов Амурской речной флотилии, ехавших в Петроград, отправили обратно в столицу, в распоряжение СНК.

Пехливанова занимали проблемы формирования новой армии в общегосударственном масштабе. 4 февраля 1918 г. датирована его записка «Рабоче-Крестьянская Красная армия. Принципы формирования». В этом документе генштабист рассуждал о строительстве полевой армии и

местных управлений⁴⁸. Пехливанов писал, что власть в РСФСР отныне принадлежит народу — рабочим и крестьянам, она нуждается в организованной вооруженной силе, и цель создания Красной армии — защита социалистического строя от врагов. Отдавая дань революционной риторике, генштабист отметил, что Красная армия действует «в противоположность империалистическим армиям, действующим по указке царей и тайной дипломатии ради порабощения других народов, ради захвата их территории в интересах высших господствующих классов»⁴⁹.

Основным принципом строительства Красной армии, по мнению Пехливанова, должна была стать добровольность службы и сознательность бойцов. Иордан Георгиевич был убежден в том, что новой власти необходима постоянная армия, поскольку предстоит трудная классовая борьба за мировую революцию. Однако после победы он допускал возможность упразднения армии и сохранения лишь вооруженного пролетариата⁵⁰. К сожалению, сегодня сложно сказать, были ли это идеи самого Пехливанова или же он попал под влияние большевистских идеологов. Пехливанов активно разрабатывал теорию борьбы вдоль железных дорог, которая была характерна для начального, «эшелонного», периода Гражданской войны. Очень скоро эти наработки Иордану Георгиевичу пришлось применить на практике, обороняя Петроград от немцев.

В феврале 1918 г. положение в стране сложилось критическое: Советская Россия могла быть уничтожена. Мирный договор с противниками России по Первой мировой войне заключен еще не был, а старая армия уже фактически не существовала. После срыва советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске 18 февраля началось немецкое наступление на Восточном фронте (операция «Фаустшлаг» — «Удар кулаком»). Немцы заняли Луцк и Двинск, захватив в последнем штаб 5-й армии, 20-го взяли Ровно, 21 февраля вошли в Минск, где был взят в плен штаб Западного фронта, и в Новгород Волынский, в ночь 24–25 февраля заняли Псков (находившийся в городе штаб Северного фронта успел эвакуироваться в Тверь), 25 февраля — Ревель, 1 марта — Киев, 4 марта — Житомир. Германские войска наступали, практически не встречая на своем пути сопротивления. 19 февраля состоялось объединенное заседание ЦК партий большевиков и их союзников левых эсеров, на котором присутствовали бывшие генералы В.А. Черемисов и В.Ф. Новицкий. В.И. Ленин тогда высказался за необходимость отпора противнику⁵¹.

20 февраля Пехливанов принял участие в совещании большевистского руководства и военных специалистов, где решался вопрос об орга-

низации обороны⁵². 21 февраля был создан Комитет революционной обороны Петрограда во главе с Я.М. Свердловым. Тогда же был подписан, а на следующий день опубликован декрет-воззвание СНК «Социалистическое отечество в опасности!». Вечером 22 февраля в Петроград по вызову В.И. Ленина прибыл из Могилева начальник штаба Верховного главнокомандующего бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, фактически возглавивший оборону Советской России от внешнего врага. После совещания с Лениным и другими представителями власти Бонч-Бруевич приступил к работе в Смольном, где разместился в комнате по соседству с кабинетом Ленина.

23 февраля прошла массовая мобилизация петроградского пролетариата на борьбу с врагом. Именно этот день считался днем рождения новой армии, сегодня он справедливо отмечается в России как День защитника Отечества. Эта дата и тогда, и сегодня ясно обозначает тот непреложный факт, что в каком бы тяжелом положении не находилась Россия и ее армия, у нее всегда найдутся свои надежные защитники, способные дать отпор врагу. По данным к 27 февраля, в Красную армию в Петрограде вступили около 13 000 человек⁵³. Немаловажно, что в ночь на 24 февраля СНК принял германские условия заключения мира, что привело к приостановке немецкого наступления⁵⁴.

Тем не менее, в ночь 24–25 февраля немцы с боем заняли Псков. Этой ночью в Смольном не спали. Ленин провел экстренное заседание СНК. В 4 часа утра было принято решение о выделении из Комитета революционной обороны Петрограда оперативного центра для руководства защитой столицы – Бюро, в состав которого вошли представители большевиков и левых эсеров, а в качестве военного специалиста – М.Д. Бонч-Бруевич, который должен был разработать план обороны Петрограда. Было решено дать гудки на всех фабриках и заводах столицы, чтобы как можно быстрее собрать рабочих, готовых пойти на борьбу с врагом.

Понедельник, 25 февраля, стал долгим днем для Пехливанова. В этот день, еще на рассвете, он получил из Смольного телеграфный приказ: «Немцы по сведениям 24 фев[раля] заняли Псков незначительными силами. Вы назначаетесь н[ачальни]ком Псковского отряда в составе: 5 батал[ьонов] при 12 пул[еметах] на каждый б[атальон], 3 батареи при необходимых технических средствах связи; на усиление отряда будут направлены части дополнительно. На Псковский отряд возлагается задача: выбить немцев из Пскова и преследовать до Изборска – Острова, который должен быть занят; скорейшее достижение поставленной цели

является основой Ваших действий. Дополнительные силы предполагается направить по жел[езной] дор[оге] Петроград – Дно – Псков, о времени их выступления будет сообщено. Штаб обороны. Петроград, Мойка, 67. До[м] в[оенного] мин[истра]. Наштаверх Бонч-Бруевич»⁵⁵.

Бонч-Бруевич ставил боевую задачу без учета реального соотношения сил и средств сторон, а также морального состояния красногвардейских отрядов, которое было невысоким. Однако Пехливанов немедленно приступил к выполнению поставленной задачи, возможно даже осознавая невозможность отбить Псков. Он возглавил оборону Советской России от германских войск на наиболее опасном псковском направлении, непосредственно угрожавшем Петрограду. То, что именно псковское направление считалось немцами главным, отмечено в некоторых исследовательских работах⁵⁶.

Отряд составили добровольцы из солдат старой армии, красноармейцев и красногвардейцев. Бойцы Красной армии и Красной гвардии шли защищать Петроград бок о бок с еще сохранявшимися подразделениями старой армии. Удивительно, что эти разнородные революционизированные силы были готовы подчиняться приказам бывшего офицера Генерального штаба. В будущем именно сочетание опыта и знаний старых офицеров с революционным порывом комиссаров и большой численностью красноармейского состава стало одной из сильных сторон Красной армии.

Бонч-Бруевич предполагал провести разведку в направлении Нарвы, Тапса, Дно, Новоскольников, Невеля и Идрицы. Он также требовал охраны технических сооружений стратегически важной в сложившихся условиях железной дороги Петроград – Москва, соединявшей театр военных действий и столицу Советской России с центром страны⁵⁷.

В 9.30 утра Пехливанов уже находился на Варшавском вокзале. К этому времени он знал, что накануне около 18 часов вечера немецкая конница и броневтомобили незначительными силами заняли Псков и двигались далее на станцию Торошино, находящуюся на железнодорожной линии Псков – Петроград в 21 км северо-восточнее Пскова. Продолжение немецкого наступления создавало непосредственную угрозу столице Советской России. В отряде Пехливанова насчитывалось, как отмечалось в телеграмме Бонч-Бруевича, 5 батальонов при 60 пулеметах и 3 батареи. Однако эти силы были лишь расчетными, а не фактическими.

Никто точно не знал, какими силами оперируют немцы и как будут развиваться их дальнейшие действия⁵⁸. Пехливанов приказал бойцам

высадиться на станции Луга и принять меры к тому, чтобы задержать бронемашину противника южнее города, а также выяснить обстановку на железной и шоссейной дорогах Луга – Псков.

На начальника штаба отряда Ф.П. Никонова Пехливанов сразу произвел самое серьезное впечатление. Никонов впоследствии вспоминал: «Получил я назначение быть начальником штаба Псковских отрядов. Это было 25 февраля 1918 года. Мне сказали: «Спеши на Варшавский вокзал, там формируются эшелоны. Ищи полковника Пехливанова, командира отряда».

Прихожу на вокзал. Там сутолока неопишуемая, толкотня, крики, хаос. Проталкиваюсь через толпу. Вижу рослого военного в длинной серой шинели, в папаче, очень внушительного вида. Он совершенно спокоен среди этого хаоса. Отдает короткие деловые распоряжения. Подхожу, представляюсь. «Будем воевать вместе», – кратко отвечает он на мое представление. И продолжает распоряжения ровным голосом, но очень внушительно. Чувствуется большой авторитет командира. Думаю: «С таким хорошо воевать».

Хаос постепенно организуется. Погрузились в эшелоны. Едем. Стоим у окна. Видим группы деморализованных солдат, бредущих с фронта. «Надо их остановить, – говорю, – вернуть». А он: «Оставьте их, они нам не нужны. Воевать они не будут. Только лишний балласт. Нам нужны преданные, боевые, сознательные, надежные. Пусть меньше, но лучше».

Запомнились его спокойствие, деловитость, умение влиять на бойцов и всех подчиненных, организовать их, влиять на них без лишних слов, а просто своим присутствием и поведением, уверенность в победе, отсутствие показухи. Запомнились также его отеческая забота о быте солдат, понимание психологии бойцов, демократичность, не свойственная царским офицерам, и в то же время требовательность. Его очень любили и уважали за глубокое знание военного дела и правильный подход к людям»⁵⁹.

Нельзя не признать, что эта весьма благожелательная характеристика вряд ли отражала общее настроение революционной массы в отношении «царского офицера» – в то время оно не могло быть всецело доверительным. К примеру, один из ответственных советских работников, участвовавших в формировании псковских отрядов, отмечал, что назначение командиром отряда Пехливанова – это «громкая ошибка, кото-

рая впоследствии дала возможность генералам поднять голову»⁶⁰. В этом смысле положение Пехливанова было непростым.

Формирование, которое он возглавил, получило наименование псковских отрядов. Именно они стали одними из первых частей создававшейся Красной армии.

Пехливанов появился в Луге к 14 часам 26 февраля⁶¹. Сразу после доклада начальника авангарда он провел совещание с комиссарами Б.П. Позерном (член коллегии управления войсками Северного фронта) и П.А. Залуцким (комиссар Комитета революционной обороны Петрограда)⁶². Было решено немедленно выдвинуть в сторону Пскова разведывательный эшелон под начальством В.Я. Беркуля, а затем и перебросить все эшелоны и штаб отряда на станцию Струги Белые, расположенную между Псковом и Лугой.

Поздно вечером 26 февраля, в 23 часа, Пехливанов провел новое совещание с Позерном и Залуцким. К этому времени Иордану Георгиевичу уже было известно, что Псков занят силами немецкой дивизии, причем утром немцы организовали наступление от города. Командир отряда обоснованно осторожничал, считая, что силы неравны и вверенных ему войск достаточно только для разведки. Чтобы действовать более активно, Пехливанову были нужны еще четыре эшелона отряда, бронепоезд, бронедивизион и конница. Итогом совещания стало общее решение о невозможности противостоять немцам до сосредоточения всего отряда⁶³. Было также решено подготовить к взрыву железную дорогу к югу и северо-востоку от Луги.

Наступление на Псков вели соединения 8-й германской армии генерала Г. Кирбаха, в частности 53-й корпус. Разведка сообщала, что в районе Ревеля сконцентрировано до 9000 немецких солдат⁶⁴. В Пскове расположилась дивизия с номерами полков 345, 346, 347, 348. Всего около 4000 человек. Штаб дивизии находился с 26 февраля в здании реального училища. Позднее был сообщен и номер дивизии – 78-я пехотная⁶⁵. Вечером 27 февраля немцы подтянули к городу еще два пехотных полка. Помимо этих сил были замечены подразделения еще четырех полков. Также в городе сосредоточились три артиллерийских полка и пять кавалерийских. В марте Псков оборонял 8-й немецкий корпус со штабом в деревне Череха (с 12 марта), которая была сильно укреплена. В 5–6 верстах от города немцы выставляли полевые караулы силой 10–15 человек при пулемете, вокруг города рыли окопы, укрепляли позиции колючей проволокой. 27 февраля было замечено движение отряда вдоль

железной дороги Псков – Гдов. Кроме того, сразу после занятия города немцами была начата отправка из Пскова в Германию всех военнослужащих и военнообязанных русских⁶⁶.

Бонч-Бруевич из Петрограда требовал от Пехливанова решительных действий, и они не заставили себя ждать. Несмотря на множество недостатков, бойцы Пехливанова действовали против немцев крайне успешно. Авангард сил Пехливанова выдвинулся со станции Новоселье (50 километров от Пскова) на станцию Торошино, заняв последнюю при поддержке бронепоезда после короткого боя. Одно из первых боевых столкновений произошло 1 марта в 23 часа у станции Черняковицы в десяти верстах от Пскова, где поддержку красноармейцам оказывал бронепоезд. Пехливанов тогда лаконично телеграфировал в Петроград: «Первое столкновение! П.»⁶⁷. В этих двух словах заключались противоречивые чувства: и обеспокоенность дальнейшим развитием ситуации и стремление показать, что бойцы отряда способны на активные действия. Произошел бой и у деревни Яхново, где была уничтожена немецкая застава⁶⁸. У станции Струги Белые бойцы Пехливанова отразили налет немецкой авиации.

1 марта пришла новая строгая телеграмма от Бонч-Бруевича: «Несколько раз указывалось Вам [на] развитие самых энергичных быстрых действий. Строгий расчет и разумную осторожность учитывать надо, но в излишнем промедлении гибель дела. Прошу Вас сообщить Ваш план [и] время, когда окончательно приступите [к] его исполнению...»⁶⁹.

В 23 часа 5 минут 1 марта Бонч-Бруевич телеграфировал Пехливанову уже в более спокойном тоне: «Ваш способ действий признаю соответствующим обстановке. Мои телеграммы вызваны вашим молчанием в то время, когда желательно было получать более частые донесения с псковского направления, дабы удовлетворить запросам правительства и мне самому быть вполне ориентированным»⁷⁰.

Германская оккупация вызывала волну недовольства псковских крестьян и городского населения. По данным разведки, в Пскове шел грабеж местного населения⁷¹. Особое возмущение вызвали хлебные реквизиции и требования отправки военнообязанных в Германию. Пользуясь близостью линии фронта, крестьяне посылали делегатов в отряд Пехливанова с просьбами их вооружить для партизанских действий, помогали бойцам Пехливанова продовольствием⁷². Пехливанов распорядился снабжать оружием всех желающих⁷³. Только за 4 марта, например, было вооружено около 800 крестьян⁷⁴. В общей сложности, если верить свиде-

тельству одного из участников формирования партизанских отрядов, было вооружено до 7000 крестьян⁷⁵. Партизаны совершали дерзкие нападения на оккупантов.

2 марта председатель СНК В.И. Ленин телеграфировал всем, всем, всем быть в полной готовности в связи с возможным перерывом мирных переговоров в Брест-Литовске. В телеграмме предписывалось: «Обязательно поднять всех на ноги, принять меры охраны и обороны»⁷⁶. Выполняя указания по противодействию немцам, 2 марта бойцы Пехливанова даже сумели подбить один германский аэроплан⁷⁷.

До сих пор считалось, что Бонч-Бруевич требовал от Пехливанова более решительных действий и даже едва не снял того с поста начальника отряда за медлительность⁷⁸. Однако очевидно, что позиция петроградского руководства не была все время одинаковой. После первых успехов псковских отрядов и признания Бонч-Бруевичем правильности действий Пехливанова поздно вечером 1 марта ситуация переменялась. Из-за того, что пока не найдена ключевая телеграмма Бонч-Бруевича по данному вопросу, точку в этой истории ставить рано. Однако в полной мере нельзя исключать, что именно активизация действий Пехливанова в начале марта и его тактические успехи вызвали неудовольствие или опасения в Петрограде, где не желали возобновления полномасштабных боевых действий с немцами. Впрочем, 3 марта Бонч-Бруевич по-прежнему занимался организацией наступления на Псков⁷⁹.

Так или иначе, но в 16 часов 2 марта Пехливанов телеграфировал Бонч-Бруевичу, что не держится за свой пост, если петроградское начальство что-то в его действиях не устраивает: «При данных средствах и обстановке другого способа действий, кроме принятого мною, я не нахожу, а потому прошу Вас подыскать отвечающего Вашим требованиям Начальника отряда. 2 Марта 1918 года. 16 часов. Ст. Струги Белые. № 31. Пехливанов. Дополнение. План действий н[ачальни]ка отряда Пехливанова всецело разделяем. Пом[ощник] н[ачальни]ка отряда Малютин. Начальник штаба Член Коллегии формирования Красн[ой] арм[ии] Ф. Никонов»⁸⁰. Однако свой пост Пехливанов тогда сохранил.

К 3 марта в отряде числилось 2200 штыков, 130 шашек, 93 пулемета и 4 орудия. Пехливанов продолжал работу по вооружению крестьян и по формированию партизанских отрядов. В этот же день произошли новые столкновения с немцами, причем красноармейцы даже потеснили противника⁸¹. В районе Торошино бойцы Пехливанова подбили второй германский аэроплан, производивший разведку⁸².

3 марта был подписан Брестский мирный договор. Россия вышла из Первой мировой войны, последние бои которой на Восточном фронте навсегда связаны с именем болгарина на русской службе Иордана Пехливанова.

4 марта в войсках был распространен приказ Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о немедленном прекращении боевых действий при нахождении на занимаемых позициях⁸³. 5 марта в 17 часов Пехливанов направил к противнику парламентеров для решения вопроса о прекращении боевых действий и определении нейтральной полосы⁸⁴. Посланцы вернулись на следующий день в час ночи. Было решено прекратить боевые действия, летчики могли летать только над расположением своих войск, принято решение об установлении нейтральной зоны и демаркационной линии. На 7 марта была намечена новая встреча для обозначения нейтральной полосы⁸⁵. Демаркационная линия была проведена всего в 3 верстах севернее Пскова и в 6 верстах восточнее железной дороги Псков – Двинск. Была достигнута договоренность о том, что перед Псковом должна быть очищена от войск 10-верстная зона⁸⁶. К этому времени пассажирские поезда из Советской России доходили лишь до станции Струги Белые⁸⁷, а далее сообщения не было.

По данным Пехливанова, ко дню прекращения боевых действий численность псковских отрядов доходила до 3620 человек, в т.ч. 2100 штыков при 97 пулеметах и 4 орудиях и 113 шашек. Наиболее боеспособными из своего отряда Пехливанов считал латышей-туккумцев⁸⁸. 9 марта, находясь на станции Новоселье, Пехливанов отмечал, что «теперь заключен мир, и боевое дело кончилось. Предстоит перед всеми нами ответственная работа по формированию и организации Социалистической Армии Республики. Будучи связан с командованием отрядами, я должен остаться и работать»⁸⁹.

После ликвидации угрозы германского нашествия весна – лето 1918 г. для Пехливанова стали периодом рутинной службы в формированных завесах, тяжелой, напряженной работы по созданию Красной армии.

Казалось бы, его служба в Красной армии складывалась вполне благополучно, он пользовался авторитетом, как у других военных специалистов, так и среди комиссаров. Однако 28 сентября 1918 г. он неожиданно для всех бежал к белым⁹⁰. В этот день, находясь в Луге, Пехливанов набросал карандашом прямо и по-солдатски рапорт военному совету Петроградского района: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года.

Ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально (подчеркнуто в документе читателями. – А.Г.) отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Военсовету»⁹¹.

На документе имелась резолюция о подготовке телеграммы – арестовать и предать суду Пехливанова, такой документ был составлен к 1 октября 1918 г. Впрочем, генштабиста в Советской России больше не видели. Как оказалось, он уехал спасать семью в Крым. И непонятно, зачем вообще понадобился нашему герою этот прощальный рапорт.

Секретная и весьма срочная телеграмма комиссара Северного участка отрядов завесы Л.М. Глезарова о розыске беглеца была следующей: «Инспектор формирований второй инспекции Северного Участка Генштаба Иордан Георгиевич ПЕХЛЕВАНОВ рапортом от 28/15 Сентября, за номером 404, сообщил Военному Совету, что ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, он принужден нелегально отправиться на выручку своей семьи, находящейся в тяжелом положении, и которую он не видел в течение года. По агентурным сведениям разведки ПЕХЛЕВАНОВ бежал в направлении Крыма. Приметы его высокий рост, черные волосы, черные подстриженные усы, темно-карие глаза, темный загорелый цвет лица, когда читает, одевает пенсне. Носит смешанную военную форму, иногда носит серый штатский костюм. ПЕХЛЕВАНОВ родом из Болгарии. Предлагается всем немедленно принять все меры к задержанию бежавшего как дезертира и преданию его военно-революционному суду»⁹².

Оказавшись на белом Юге, Пехливанов поступил на службу в войска генерала А.И. Деникина. В феврале 1920 г. Пехливанов вернулся в Болгарию, где работал инженером и школьным учителем. В Болгарию он перебрался вместе с супругой и дочерью. В годы Второй мировой войны помогал партизанам в борьбе с гитлеровцами, затем восторженно встретил приход Красной армии, однако конкретных данных об оказываемой Пехливановым партизанам помощи, кроме краткого свидетельства его дочери, в моем распоряжении нет. В 1946 г. вышел на пенсию, поселившись на севере страны, в городе Сухиндол, но работал лектором в обществе советско-болгарской дружбы. Умер 26 марта 1955 г.

Жизненный путь полковника Пехливанова, во многом, характерен для судеб немалой части офицеров-генштабистов русской армии, но в то же время сопряжен с целым рядом уникальных событий, которые выделяют биографию Пехливанова из многих других. Пехливанов отличался

незаурядными способностями к учебе, тягой к знаниям, оставил обширное письменное наследие, ряд статей и книг (как переводов других авторов, так и собственных трудов).

За исправным несением Пехливановым службы до мировой войны последовало его героическое участие в этой войне, подкреплявшееся русофильскими и антигерманскими настроениями (которые, кстати, в полной мере проявились у него и в годы Второй мировой войны). Затем наступил 1917 г. Тогда Пехливанову оказала доверие и поддержку, выдвигала на руководящие посты солдатская масса. Многие офицеры, прошедшие через схожее признание революционных солдатских масс, позднее оказались в Красной армии. Не стал исключением и Пехливанов.

Офицер добросовестно пытался понять суть нового режима, уставившегося в стране. Более того, он оказал полную поддержку новой власти в деле защиты страны от германского наступления. Фактически речь шла о защите России, безотносительно ее политической системы. Именно патриотическими, антигерманскими мотивами руководствовался сам Пехливанов. Тяжелое положение семьи вынудило его осенью 1918 г. поставить личные интересы выше служебных, дезертировать из Красной армии и бежать на белый юг.

Пехливанов был далеко не единственным перебежчиком от красных к белым. Даже в сравнительно узкой корпорации генштабистов таких людей были сотни, не говоря уже об офицерстве в целом. Неопределенность идейного выбора и метания были отличительной чертой поведения офицерства в Гражданской войне. Однако к перебежчикам, бывшим военспецам, белые тоже относились с недоверием. Положение людей, которых не принимали ни в том, ни в другом лагере, было сложным, нередко трагическим. У Пехливанова оказался свой выход из этой ситуации – возвращение на родину в Болгарию, позволявшее забыть об ужасах Гражданской войны в России и избежать репрессий за измену Советской власти со стороны победивших большевиков.

Жизнь Пехливанова в Болгарии оказалась сродни пребыванию в странах рассеяния русских офицеров-эмигрантов, и облегчалась только тем, что он был у себя на родине и не ощущал языковой и культурной изоляции. Тем не менее, на военную службу он принят не был, и оказался вынужден подыскивать другие источники средств существования. Материальное положение семьи Пехливанова в первые годы после Гражданской войны было крайне неблагоприятным, но со временем жизнь нормализовалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Далее в статье используется написание имени Пехливанова, принятое в русских служебных документах – Иордан.
- ² Можно назвать лишь единственную небольшую заметку, к сожалению, не лишенную неточностей (так, ее автор указал неверный год рождения своего героя): *Николаев П.А.* И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1. С. 95–96. Также см. энциклопедическую статью: Пехливанов И.Г. // Псковская энциклопедия. Псков, 2003. С. 535.
- ³ См. краткую справку о Пехливанове: *Танчев И.* Българи в чуждестранни военнoучебни заведения (1878–1912). София, 2008. С. 175. В этой справке неверно указана дата рождения Пехливанова. Выражаю благодарность к.и.н. В.Б. Каширину за возможность ознакомиться с этим изданием.
- ⁴ См., напр.: *Стрекалов И.И.* Создание войск завесы (февраль–май 1918 года): Исторический очерк. М., 2001. С. 7–8.
- ⁵ *Барбасов А.П., Золотарев В.А.* О прошлом во имя грядущего: традиции российско-болгарского боевого содружества. М., 1990. С. 212–213; Великий Октябрь и защита его завоеваний. Т. 1. М., 1987. С. 392, 398; В.И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970. С. 220; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 33, 46; *Кавтарадзе А.* Военспец в революции // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 186; *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и создание Красной армии. М., 1970. С. 212; Крах первого нашествия империалистов на страну Советов. М., 1973. С. 78; *Кузьмин Г.В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. (научно-популярный очерк). М., 1977. С. 59–60; *Мишч И.И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 90; *Муратов Х.И.* Первый советский главковерх. М., 1979. С. 98; *Панайотов П.* Болгары в борьбе за Советскую власть 1917–1920. София, 1967. С. 82, 90; *Он же.* Болгарські інтернаціоналісти в боротьбі за перемогу і захист Радянської влади // Український історичний журнал. № 11. С. 101; *Петров В.И.* Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С. 44; *Он же.* Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 89, 108, 110, 112; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. М.-София, 1981. С. 403; *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию: Латышские стрелки и краснoгвардейцы в первый год советской власти. М., 1975. С. 90; *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале–марте 1918 г.

- М.-Л., 1964. С. 150–151, 188–189, 194–195; Человек с ружьем. Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19 и др.
- ⁶ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 196.
- ⁷ См., напр.: *Акунов В.* «А был ли мальчик?» или 23 февраля как «День порабитителей Отечества» – <http://www.proza.ru/2008/07/20/227>; *Лискин И.* 23 февраля – День порабитителей Отечества // Наши вести (Санта Роза, Калифорния). Издание Союза чинов Русского корпуса. № 450/2751. 1998. Март. С. 20–21; *Миронов В.* 23 февраля. История фальсификации // Новый Часовой (Санкт-Петербург). 1994. № 1. С. 39–42.
- ⁸ Дата из послужных списков Пехливанова. В письме дочери Пехливанова Киры Иордановны историку П.А. Николаеву от 16 марта 1980 г. указана другая дата – 12 апреля 1877 г. Кира Иордановна специально отметила, что ее отец родился «в день объявления Освободительной русско-турецкой войны, в которой его старший брат Добри участвовал в рядах болгарского ополчения и погиб на Шипке», дядя Иордана Георгиевича, художник Димитр Добревич Пехливанов, состоял в армии Джузеппе Гарибальди – Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 9837. Оп. 1. Д. 117. Л. 1. Выражаю благодарность сотрудникам архива М.А. Киселевой и Е.Л. Лысых, любезно предоставившим мне копию этого документа.
- ⁹ Данные о службе Пехливанова приводятся по его послужным спискам на 22 августа 1917 г. – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10; на 24 октября 1917 г. – Там же. Л. 21–26; на 14 января 1914 г. – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. П/с. П/с 36–475.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 2об.
- ¹¹ *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 130–131.
- ¹² Список офицеров Болгарской службы, окончивших курс Николаевской академии генерального штаба (ныне Императорской Николаевской военной академии) // Известия Императорской Николаевской военной академии (Санкт-Петербург). 1913. № 37. Январь. С. 134–145; *Танчев И.* Указ. соч.
- ¹³ *Пехливанов Ю.* Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 33. Сентябрь. С. 1379.
- ¹⁴ *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М., 2006. С. 550.

- ¹⁵ Подробнее о В.В. Пушкаревой см.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 5. М., 1993. С. 43; *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре: художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М., 2007. С. 104; *Он же.* Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М., 2008. С. 137–141; *Каназирска М.* В.В. Пушкарева – Н.А. Котляревский // «Погагло дневное светило...» Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. С. 370–392.
- ¹⁶ *Каназирска М.* Указ. соч. С. 372, 378.
- ¹⁷ Там же. С. 378.
- ¹⁸ *Николаев П.А.* И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1. С. 95; *Он же.* На защиту Петрограда! Л., 1986. С. 244; Пехливанов И.Г. // Псковская энциклопедия. Псков, 2003. С. 535; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. М.-София, 1981. С. 403.
- ¹⁹ *Пехливанов Ю.* Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 33. Сентябрь. С. 1379.
- ²⁰ *Каширин В.Б.* Высший и старший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 221.
- ²¹ *Капитан Пехливанов.* Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 38. Февраль. С. 231.
- ²² РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 8об.
- ²³ *Капитан Пехливанов.* Война на Балканах. Действия на Восточном театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 43. Июль. С. 999–1023.
- ²⁴ Там же. С. 999.
- ²⁵ Там же. С. 1015–1016.
- ²⁶ Там же. С. 1022.
- ²⁷ Там же. С. 1023.
- ²⁸ *Пехливанов И.* Война на Балканах. Мобилизация болгарской армии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 46. Октябрь. С. 1493–1503.

- ²⁹ Там же. С. 1503.
- ³⁰ Пехливанов И. Война на Балканах. Действия на Фракийском театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 47. Ноябрь. С. 1671–1688.
- ³¹ Там же. С. 1678.
- ³² Пехливанов И. Война на Балканах. Военные действия на Фракийском театре. Лозенградская операция // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1914. № 49. Январь. С. 53–77; № 50. Февраль. С. 281–317; № 51. Март. С. 503–523; № 53. Май. С. 811–836.
- ³³ Пехливанов И. Действия полевых болгарских армий во Фракийской равнине // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1914. № 54. Июнь. С. 1003–1022.
- ³⁴ *Général Percin*. Боевая связь сверху и снизу. СПб., 1912.
- ³⁵ Кирков К. Записки по военной педагогике (Психология, обучение и воспитание). СПб., 1913.
- ³⁶ Пехливанов отличился в октябре 1914 г. в период тяжелейших боев Варшавско-Ивангородской операции, за что впоследствии был награжден Георгиевским оружием. Согласно формулировке приказа по 9-й армии № 422 от 24 августа 1915 г. награждение было произведено «за то, что в Октябрьских боях армии, при форсировании р. Вислы: 1) с целью выполнения предложенной им мысли о подготовке переправы двумя корпусами, руководя лично работами с 7 по 11 октября под сильным огнем противника, установил прочную связь, благодаря которой достигалась не только полная ориентировка в ходе боя всех войсковых начальников, но и сосредоточение огня более 200 орудий нашей артиллерии с правого берега Вислы, чем действительно содействовал нашему крупному окончательному успеху 11 Октября под Ивангородом и Ново-Александрией (Ново-Александрия находилась в 23 верстах от Ивангорода – А.Г.); 2) Находясь на своем наблюдательном пункте у Ново-Александрии и следя непосредственно за ходом боя одного из корпусов армии, своевременно и точно ориентировал в обстановке Командира этого корпуса, а личным словесным докладом в Штабе армии способствовал безотлагательному принятию целого ряда экстренных мер, приводимых к достижению поставленной армии цели, т. е. успешному форсированию реки Вислы у Ново-Александрии и к решительному поражению противника на левом берегу Вислы» (РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–4об.). Таким образом, пригодились как специальные знания Пехливанова-артиллериста, так и подготовка, полу-

ченная им в академии Генштаба. Пожалование было утверждено 7 февраля 1916 г. За участие в боях с 22 августа по 8 сентября 1914 г. Пехливанов был представлен к ордену Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Представление было направлено начальником штаба 9-й армии в Главный штаб. Кроме того, за бои с 7 по 24 октября Пехливанова представили к ордену Св. Станислава 2-й ст. с мечами (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27209. Л. 215об.).

31 января 1915 г. Высочайшим приказом наш герой был награжден сразу двумя наградами. Вскоре последовало еще одно представление за то, что «4–5 ноября при начале боев под Краковом командирован из Штаба армии в район боев корпусов Гвардейского и 25-го для ориентирования, поручение выполнил отлично, принимал непосредственное участие в бою. Представляется к ордену Св. Анны 4 степени с надписью за храбрость» (Там же). 24 февраля 1915 г. Пехливанов получил аннинское оружие – орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (Высочайше утверждено 15 сентября 1915 г.), а 27 марта был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами за отличия в делах против неприятеля. Наконец, 15 апреля офицеру была пожалована светло-бронзовая медаль за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. на ленте ордена Белого Орла.

³⁷ Сохранилось телеграфное поздравление Пехливанова от 7 января 1917 г., адресованное Пушкаревой, в связи с ее награждением Георгиевской медалью 3-й ст. – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома; РО ИРЛИ). Ф. 135. Д. 1020. Л. 20.

³⁸ Там же. Л. 10.

³⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 718. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 11–13.

⁴¹ Там же. Л. 12, 16, 24, 26; РГИА. Ф. 718. Оп. 1. Д. 23. Л. 13об.

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 19.

⁴³ С 22 по 28 мая он участвовал в боях у местечка Самушино (Самушин), 15 июня – в бою у деревни Мальй-Гвоздец, 15 июля – у деревни Хощимеж, 25 июля – у деревни Грушка, 30 июля – у города Станиславов и 18 июня 1917 г. у Лысонского леса, а также в период отступления с 8 по 13 июля 1917 г. В качестве награды 15 августа 1916 г. ему было даровано старшинство в чине с 6 декабря 1914 г. Кроме того, 7 декабря 1916 г. объявлено Высочайшее благоволение за отличие в делах против неприятеля. Наконец, 30 января 1917 г. приказом по 9-й армии № 66

Пехливанов был награжден самой желанной для любого офицера русской армии боевой наградой – орденом Св. Георгия 4-й ст. за подготовку и участие в событиях Брусиловского прорыва, «за то, что личной разведкой, сопряженной с явной для его жизни опасностью, в период времени с 6-го по 22-е мая 1916 г. детально изучил позицию противника и все подступы к ней в районе д. Самушин и на основании этих данных разработал план прорыва этой сильно укрепленной, казавшейся неприступной, позиции. 22-го мая принял деятельное участие в бою за овладение позицией в районе вышеуказанной деревни, приведшем к крупной победе над противником. Затем, перед решительным боем 28-го мая у д. Окна, он во главе партии разведчиков при условиях исключительной опасности тщательно изучил подступы к левому флангу позиции, куда намечался главный удар. Во время боя, находясь при начальнике правой колонны, личным указанием направил правофланговые роты, которыми была обойдена и захвачена неприятельская передовая укрепленная позиция, что и послужило началом успеха частей 41-го армейского корпуса, имевшего важное значение на ход дальнейших операций в Буковине» (РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.). В революционном 1917 г. в качестве признания заслуг офицеров солдатской массой практиковалось награждение их солдатскими Георгиевскими крестами с серебряной лавровой ветвью. Именно такой крест 4-й ст. за № 1130648 получил приказом по дивизии № 266 от 16 августа 1917 г. Пехливанов по решению всех частей дивизии «за то, что 1) Исполняя должность Начальника Штаба дивизии в критический период отступления нашей армии 11-го Июля 1917 года, подвергая свою жизнь явной опасности, лично произвел разведку прорыва нашего фронта в районе Д. Дорохув, быстро расположил в этом прорыве наши полки и тем способствовал успеху нашей дивизии задержать наступление германцев с севера на юг между р. Стрыпой и р. Серет, чем была дана возможность трем армейским корпусам своевременно перейти на восточный берег реки Серет и 2) В период нашего отступления, проявляя необыкновенное хладнокровие и распорядительность, прекратил панику в обозах и на биваке 8-го Июля в д. Козувке, 11-го Июля в д. Хмельювка и др., развитие которых грозило оставление[м] войсками своих мест и бедствиями в тылу в обозах и парках» (Там же. Л. 4об.–5об.)

⁴⁴ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1316. Л. 77.

⁴⁶ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁴⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2.

⁴⁸ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4.

⁴⁹ Там же. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Л. 2об.

⁵¹ Николаев П.А. На защиту Петрограда! Л., 1986. С. 20.

⁵² Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 50–56.

⁵³ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 31.

⁵⁴ Базанов С.Н. Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 г. – марте 1918 г. и ее последствия // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 50.

⁵⁵ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 102–102об.

⁵⁶ Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале–марте 1918 г. М.–Л., 1964. С. 188.

⁵⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 103–103об.

⁵⁸ Фрайман А.Л. Указ. соч. С. 189.

⁵⁹ Воспоминания были записаны дочерью Пехливанова Киной Иордановой в 1969 г. в Москве и хранились в собрании П.А. Николаева. Цит. по: Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 245–246.

⁶⁰ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 1. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. Сб. док. в 4-х т. М., 1971. С. 110.

⁶¹ Таким образом, не соответствуют действительности данные П.А. Николаева о том, что он прибыл в Лугу лишь 27 февраля – Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 108.

⁶² РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 115об.

⁶³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 118об.

⁶⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

⁶⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

⁶⁶ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 126об., 130, 137об.; РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

⁶⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 132.

⁶⁸ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

⁶⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 62.

⁷⁰ Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 420. В работе П.А. Николаева эта телеграмма почему-то отнесена к 3 марта, что су-

шественно меняет логику развития событий – Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 126.

⁷¹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.

⁷² РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

⁷³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 138.

⁷⁴ Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 422.

⁷⁵ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 1. С. 111.

⁷⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

⁷⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 138; Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 19; Д. 10. Л. 112.

⁷⁸ Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 114–115.

⁷⁹ Рождение Красной армии. Публ. В.В. Душенькина и Н.М. Вьюновой // Советские архивы. 1968. № 1. С. 19.

⁸⁰ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 52; Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 136.

⁸¹ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 140.

⁸² РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 140об.

⁸³ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 141.

⁸⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.

⁸⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁸⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.

⁸⁷ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 28а.

⁸⁸ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 10. Л. 2об.

⁸⁹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 6а.

⁹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

⁹¹ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 126.

⁹² Там же. Л. 158.